Меня зовут Изольда

Юлия Макарова

16+

Юлия Макарова

Меня зовут Изольда

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Макарова Ю.

Меня зовут Изольда / Ю. Макарова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Приключения, о которых Зоя Борисова раньше только читала в книгах, неожиданно увлекают ее в свой круговорот. Вот что может произойти, если хмурым осенним вечером ты совершенно спонтанно заходишь в антикварную лавку и покупаешь себе серебряный перстень...

© Макарова Ю., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Тетушке

…Ларец был довольно увесист, и многообещающе оттягивал руки. С крышкой, правда, пришлось немного повозиться. Замка на ней не было, но даже незамысловатая защелка от времени заклякла и не сразу поддалась. Но, наконец, повинуясь силе человеческих рук, и она уступила. Раздался сухой щелчок, и запыленная крышка ларца со скрежетом пошла вверх…

ПРОЛОГ

В просторном зале старинного замка довольно прохладно и сыро. Горящий камин не дает столько много тепла, чтобы разогнать царившую вокруг стылость, только находясь рядом с ним можно чувствовать себя достаточно комфортно.

Массивный стол из самых дорогих пород дерева, роскошный во всем своем великолепии, легко вместил вокруг себя несколько человек в богатых одеждах, носимых три века назад.

За столом в основном сидят мужчины, дам среди них только две. На столе возле каждого человека стоит по два больших кубка: в одном – вода, в другом – красное вино. Но, хотя все собравшиеся уже не один час сидят на своих местах, никто пока к кубкам так и не притронулся.

Во главе стола сидит крупный мужчина; по правую его руку – очень худая женщина, лица которой практически не видно за довольно плотной вуалью. Лишь острый подбородок поражает своей бледностью, словно под вуалью скрыто не живое лицо, а маска.

Каждый из собравшихся по одним им известной очередности что-то говорит. В высоких сводах зала голоса теряются, но за столом всем все прекрасно слышно. Так специально устроена акустическая система замка, ведь во все времена, как известно, стены имеют уши.

И вот начинает говорить одна из женщин, красивое смуглое лицо которой сильно напудрено. Что поделать – мода требует соблюдения определенных правил… Женщина делает неуловимое движение, и в ее руках появляется небольшой свиток. В тот же миг возле нее словно из воздуха материализуется слуга с подносом. Неслышно ступая, он передает сидящему во главе стола мужчине положенный на поднос свиток. Главенствующий долго рассматривает великолепно выполненный на бумаге рисунок. Дама продолжает свой рассказ. Голос женщины звучит немного резко, и до чуткого уха давно уже удалившегося слуги доносится несколько звуков, из которых он успевает разобрать похожее на выдох слово «Мон» и столь созвучное ему «Эон». На бесстрастное лицо слуги на мгновение набегает тревожная тень. Но он знает, что делать дальше. Столь тщательно скрываемая заседавшими в зале людьми информация скоро будет передана кому нужно…

* * *

День сегодня выдался какой-то странный.

Сначала у Зои Борисовой все вроде было как обычно: утром встала, позавтракала давно ставшей привычной овсянкой, заплела и уложила на затылке «в корзиночку» длиннющие светлые волосы. Потом натянула на себя трикотажный костюм, состоявший из пуловера и длинной юбки грязно-зеленого цвета, накинула поверх этого «богатства» черный пуховик, прихватила потрепанную временем сумку-торбу, и пошла на работу.

Библиотека, где без малого два десятка лет трудилась Зоя, находилась в получасе неспешной ходьбы от ее дома. И все годы она преодолевала это расстояние пешком. Сначала Зоя проделывала это просто потому, что ей нравилось ходить тем маршрутом. Загруженность машинами лет двадцать назад была еще не такая ужасающая, а в этом местечке транспорта и вовсе было мало. С годами она привыкла. Поход до работы вполне компенсировал Зое прогулку на свежем воздухе. Тем более, что вернувшись домой, она квартиру больше не покидала до следующего утра.

Некуда было идти Зое Борисовой.

Просидев все школьные годы «серой мышкой», девушка так и не сумела сменить свое «амплуа». Подруги у нее, правда, время от времени появлялись. Но, как поправляла ее мама, это были даже не подруги, а просто приятельницы. Нет, Зоя не была занудой! Она много читала, соответственно и знала тоже много. С ней было интересно, тем более что от природы Зоя обладала очень красивым голосом, и была наделена даром отличного рассказчика. Но современные люди мало говорят правильным языком, еще меньше общаются с хорошей литературой. Молодежь предпочитает иную музыку, нежели нравилась Зое и ее маме.

Проблема выбора будущей профессии перед девушкой вообще не стояла. Кем еще может стать зачитывающаяся классикой Зоя? Ну, конечно, библиотекарем!

Время летело незаметно. Приятельницы постепенно обзавелись семьями. И все реже встречались они друг с другом. Потом потихоньку сошли «на нет» даже и без того редкие телефонные звонки.

Так постепенно Зоя Борисова осталась наедине с собой и обожаемыми ею книгами. Пять лет назад, после смерти бабушки, родители отселили ее в освободившуюся бабулину квартиру. (Дом, где проживала теперь Зоя, стоял по соседству с родительским гнездом, и это было вполне удобно). Конечно, мама и папа надеялись, что так у их дочери будет больше шансов устроить личную жизнь. Но время шло, шансы таяли с каждым днем.

Однажды, правда, у Зои почти случился роман с одним мужчиной. Он работал преподавателем в университете, был холост, умен, начитан и проч… В общем, как сначала показалось Зое, они были с ним «на одной волне».

Но как-то раз, в одно не очень прекрасное утро, Зоя, решив вопреки всем своим многолетним привычкам сменить маршрут, по дороге на работу свернула в другую подворотню. И застукала там почти идиллическую картину: ее (как она сама до этого момента думала) мужчина выходил из подъезда под ручку с миловидной девчушкой лет двадцати. На роль дочери ему, сорокалетнему, она, может, и годилась, но дочери ТА-А-А-К не висят на своих папашах, а тем более не целуют их столь страстно, словно готовы вот прямо тут слопать!!!

Смутившийся сердечный друг (дрянь, сволочь, подлец!!! и проч…) замер на месте. Зоя не была бесчувственной амебой, и ей очень-преочень захотелось сейчас же вцепиться ему в лицо! Сдержало ее то, что рядом была та девчушка… Она растерянно пробормотала как-то совсем по-детски: «Ой, милый! А это кто?»

«Милый» сначала побагровел, потом моментально побледнел. Кажется – еще чуть-чуть и с ним может приключиться удар. (О, господи! Как бы красиво прозвучала подобная строка в каком-нибудь романе! Хотя, кажется, эти слова там и звучали, да и не раз…). В общем, чуть не грохнулся о землю этот ее – почти – возлюбленный. И так вдруг Зое стало противно смотреть на его мгновенно осунувшееся лицо, на поникшие плечи…

Зоя Борисова красиво вскинула голову, язвительно усмехнулась. А потом развернулась и с достоинством удалилась.

После этого все связи с мужчинами у нее прекратились. Не сказать, что она была какая-то уродина, или еще что было с ней не так… Нет. Скорее… в ее глазах просто не было того магнетизма, что непременно притягивает мужчин к дамам. Зоя не «не хотела» любви. Зоя очень даже ее желала. Но. И это было не просто слово из двух букв, это было огромное – ну просто ПРЕОГРОМНЕЙШЕЕ «НО!!!» Зоя Борисова хотела настоящей любви. Не платонической, нет (она не была ханжой, и что такое «секс» знала не понаслышке). Она мечтала встретить человека, в котором ей захочется раствориться всей до капельки. Сгореть ли в одну секунду, светиться ли потихоньку долгое время – не важно. Главное, чтобы именно с этим человеком ей хотелось жить. И быть самой собой, такой, какая она есть.

Конечно, Зоя понимала, что задрала планку слишком высоко, да к тому же четких критериев для своего будущего избранника так и не обозначила. Может быть, такие мужчины давно закончились. А может статься, что их и вовсе не существовало, они жили только на страницах

классических романов. Все может быть. И поэтому Зоя Борисова не ждала милости от жизни, не очень фантазировала, но и подбирать *первое попавшееся* не спешила. Ей вполне комфортно жилось одной, в маленькой бабушкиной однушке, среди знакомых с детства вещей и любимых книг.

Один день Зои Борисовой мало чем отличался от другого. Небольшое разнообразие, правда, вносили выходные. В воскресенье она ходила в гости к родителям. Мама к ее приходу непременно готовила что-нибудь вкусненькое, Зоя и сама прихватывала свою стряпню (а готовить она умела потрясающе!). В передней комнате накрывался круглый стол, и папа начинал выпрашивать у мамы что-нибудь «для души». Так отец обычно называл «горячительное», в чем, собственно, жена ему никогда и не отказывала, разве что переговаривалась с ним для порядка.

– В честь чего это тебе вина-то наливать? – спрашивала мама у супруга, делая голос чуточку сварливым.

– Как в честь чего? В честь праздника! – отвечал он.

– Какого праздника?! – притворно изумлялась мама. – Сегодня же нет никакого праздника!

– Дочка пришла – это, что, не праздник? – восклицал отец.

На это замечание у матери возражений не было. То, что дочь заходила к ним в будние дни, в список праздничных мероприятий не входило. И на льняной, с кружевными вставками, скатерти появлялся крохотный запотевший графинчик. Наливочки мама готовила просто шикарные! Даже не уважавшая спиртное Зоя и то выпивала за обед три малюсенькие хрустальные рюмочки.

* * *

Сегодня на календаре была среда. Как говорят в народе: среда – это маленькая пятница. Впереди маячило еще три рабочих дня. Зоя вышла из подъезда, привычно глянула на соседний дом. Там, на втором этаже, мягко светилось окно родительской кухни.

Внезапный порыв ледяного ветра бросил Зое в лицо пригоршню колкого снега. На дворе ноябрь, а природа все еще не спешит укрывать землю белым покрывалом. Несколько дней уже стоят небольшие морозы, а снега так и нет. Хотя вот сейчас, кажется, начинается…

Зоя зябко поежилась и потуже запахнула капюшон. Шапки она не любила с детства. Почему-то Зое казалось, что ни одна из них ей не подходит. И, если честно, то она была права. Зоиному лицу очень пошли бы шляпы и шляпки. Где-то в глубине души она даже об этом догадывалась, но никогда их не покупала. И не потому, что стеснялась, а, во-первых, потому что с ранней осени до поздней весны всегда отчаянно мерзла, а во-вторых, потому что понимала, что сей головной убор пойдет к ее весьма поношенному черному пуховику, как корове седло.

Зоя не любила глубокую осень. И никакие уговоры себя любимой о том, что скоро ляжет снег, вокруг станет светло и красиво, не помогали. Зоя тяжело вздохнула, повесила на плечо сумку, и шагнула в промозглый ноябрь. Что во всем этом может быть радостного?

На работе счастливых ощущений не прибавилось. Тем более что перед обедом к Зое начала ластиться ее коллега Настя Болотова. Смысл Настиного подлизывания был ясен – той позарез понадобилась будущая суббота, а она для Насти выдалась рабочей. Уговаривала она Зою, уговаривала… И уговорила. Зоя знала, что шустрая и смазливая Анастасия наверняка закрутила очередной роман. У самой Зои романов не было. Грандиозных планов на будущие выходные тоже. И она согласилась отработать за Настю, тем более, что многие пользовались этим и не раз. Какая, скажите, разница, где Зоя Борисова просидит субботний день – дома на диване или на почти таком же диване (он стоял в читальной зале) здесь, в библиотеке?

Дав согласие Насте о замене, Зоя сидела за своим столом. Подперев голову одной рукой, второй рукой она перелистывала новый красочный журнал. Глянец Зоя не любила, предпочитала что-нибудь познавательное. Сейчас ей попался новый номер «Вокруг света».

Бумага отличного качества красиво отражала верхний свет. Яркие снимки так и манили к себе. Время от времени на каком-нибудь из них Зоя задерживала свой взгляд надолго.

Перелистнув очередную страницу, Зоя вдруг замерла. На фотографии, привлекшей ее внимание, была запечатлена смуглая женщина, то ли кубинка, то ли что-то из этого ряда. На ее бронзовом декольте было отчетливо видно шикарное колье. В густом затейливом переплетении потемневшего от времени серебра багрово алели крупные камни.

Зоя аж выпрямилась и поднесла журнал поближе к глазам. Красота-то какая! Колье ее просто завораживало! Зоя почему-то покосилась на свои руки. Там никаких украшений, кроме простого серебряного колечка из церкви с почти стершейся надписью «Спаси и сохрани» не наблюдалось. Да и дома тоже – шкатулка с драгоценностями не просто пустовала, ее вообще не было. Никогда. И об этом никто сроду не задумывался. Жили как-то без этого. И нормально жили!

Зоя с трудом оторвала взгляд от печатной красоты. К ее столу приближалась пожилая женщина, завсегдатай библиотеки. Она тоже, как и Зоя, любила классику, и обычно им было о чем поговорить…

Перед самым уходом с работы у Зоиной сумки оторвалась одна ручка. Зоя ойкнула, внимательно изучила поломку, и с ужасом констатировала, что двумя-тремя стежками тут не обойтись. Придется отложить ремонт до дома.

На улице природа решила наверстать упущенное, и, начавшаяся утром поземка превратилась в настоящую метель. У Зои от порывов ветра даже капюшон пару раз сдувало с головы. Пришлось туго затянуть завязки с пушистыми помпонами на концах. Она делала это только в крайних случаях, потому что получалось смешно и как-то совсем по-детски.

Можно было, конечно, выйти с другой стороны здания и там, на большой оживленной улице сесть в маршрутку. Но в этом было не очень существенное преимущество во времени, так как путь шустрой «Газели» все равно пролегал чуть в стороне от Зоиного дома. Единственное – ехала бы в тепле и сухости.

«Все равно надо пройтись, подышать свежим воздухом!» – уговорила себя Зоя, а для большей убедительности добавила: «А если бы у меня была собака? Ведь мне пришлось бы идти с ней на улицу в любую погоду!»

Не успела Зоя додумать свою мысль, как поскользнулась на успевшей заледенеть дорожке, и чуть не упала. Сумев сбалансировать и устоять на ногах, Зоя уперлась вдруг взглядом в неприметную вроде бы дверь в ближайшем здании. Над ней горел небольшой стилизованный под старину светильник, который освещал не только пару ступенек перед входом, но и вырезанную из дерева вывеску: «Антикварная лавка».

Странно, сколько ходила этой дорогой, и даже знала про эту дверь с крылечком, но никогда не задумывалась – что за ней. Или ее просто здесь никогда не было, этой таблички? Хотя нет, дверь точно была, а вот вывесок не было никаких.

Зое стало вдруг жутко интересно, и она решительно направилась к лавке.

* * *

Внутри небольшого помещения все было именно так, как ей и представлялось. Много полок и витрин, а на них и в них – огромное количество всякой всячины, начиная с монет и заканчивая самоварами. Помимо всего этого Зоя заметила еще и несколько старинных комодов и даже кресло-качалку, на котором мирно дремал белый пушистый кот или кошка.

«Интересно, он живой, или это просто удачно сделанная игрушка?» – подумала Зоя и развернулась, услышав за спиной какой-то шорох.

Обычно в лавке старьевщика правят этакие мудрые старички в белых рубашках и черных жилетках. Так, по-крайней мере, представлялось Зое до этого момента. Сейчас же она увидела за прилавком мужчину лет сорока, высокого, полноватого, одетого в модный трикотажный джемпер ярко синего цвета. В его лице не было ничего выдающегося, обычное такое лицо. И смотрел он на Зою обыкновенно, безо всякого интереса, а уж тем более без подобострастия. И это было вполне естественно – в Зое вряд ли можно было разглядеть что-то интересное. А уж на ценного покупателя она и вовсе не тянула.

Можно было развернуться и уйти. Зоя до этого никогда не бывала в антикварных лавках, да и с самим антиквариатом никаких дел не имела. Но, словно кто-то ткнул ее в бок и заставил раскрыть рот.

– А где у вас тут можно посмотреть украшения? – поинтересовалась вдруг Зоя, нисколько не смущаясь того, что выражение лица у мужчины приняло чуть ироничное выражение.

Но продавец сдержал свои эмоции, лишь указал рукой на застекленную витрину в дальнем углу.

Надо отдать должное мастеру, оформлявшему эту витрину. Товар на вишневом бархате был разложен аккуратно, и подсвечен столь точно, что взгляд так и цеплялся за всевозможные кольца, серьги, кулоны и броши. Каждая вещь была красива, от каждой так и веяло чем-то неведомым, нездешним, даже волшебным.

Зоя засмотрелась на витрину до такой степени, что не заметила, как с ее плеча начала соскальзывать единственная целая ручка сумки. Вторая повисла грустным, каким-то прямо не живым, хвостиком.

Зоя успела поймать падающую сумку в последний момент, неловко перехватила ее, извиняюще глянула на продавца. Водрузила торбу на место и снова уставилась на витрину.

Под каждым украшением лежала малюсенькая бумажка с цифрами. Зоя подумала, что это, наверное, цена. Вгляделась внимательнее. Ё-моё! Да цифры-то все четырех, а то и пятизначные! А, вон, то колье с голубыми камнями (с бирюзой, что ли?) и вовсе стоит… Зоя затаила дыхание – ее годовой зарплаты будет, пожалуй, маловато.

И вдруг внимание Зои Борисовой привлек крупный перстень. Старинное, благородно потемневшее серебро, красивый орнамент из тончайших нитей… А в середине крупный, но явно не драгоценный камень – красные вкрапления в зеленоватой породе. И даже цена побожески приемлемая.

Зое вдруг просто нестерпимо захотелось что-нибудь купить здесь. Приобщиться, так сказать, к высокому…

– Красивый перстень. Скажите, а что это за камень? – спросила Зоя, оторвавшись от витрины. – На пластик похоже… Но я все равно возьму, – торопливо добавила она.

Продавец подошел, глянул на кольцо.

– Это – унакит. Полудрагоценный камень. Кстати, неплохой выбор, – в его голосе послышалось искреннее одобрение.

– Спасибо. А можно его померить?

– Да, конечно.

– Позвольте вам сказать, милая дама, что у вас отличный вкус! – в комнате откуда-то материализовался еще один человек, и вот он-то и был точь-в-точь таким, каким и представлялся Зое настоящий антиквар. Невысокого роста пожилой мужчина в белой с тоненькими темными полосками рубашке и черной жилетке почти неслышной поступью приблизился к витрине. И даже черные нарукавники у него имелись. Полный комплект, хоть кино снимай!

Старик чуть заметно кивнул второму продавцу и тот моментально исчез.

– Здравствуйте! – просиял пожилой мужчина. – Желаете произвести примерку?

Почему-то Зое захотелось произнести ему в ответ галантное: «Да, будьте любезны!», но она сдержалась, только согласно кивнула.

Кольцо пришлось точно впору. И на руке смотрелось, даже несмотря на крупный размер, не вычурно, но благородно. По крайней мере, Зое так показалось.

Денег в кошельке оказалось ровно на сто рубле больше, чем стоило украшение. И хотя сумма для покупки была все равно не маленькая, а траты – явно непредусмотренными, но через несколько минут Зоя вышла из лавки с перстнем на пальце.

И она не видела как в глазах старика-антиквара, когда он глянул вслед уходящей Зое, блеснули голубоватые огоньки.

* * *

Дома Зоя долго разглядывала кольцо. Красивое… Оно настолько понравилось ей, что не хотелось снимать. Зоя смотрела на украшение, а в голове начали рождаться фантазии одна круче другой…

…Вот она в длинном платье с мудреной высокой прической на голове проходит по роскошной *зале*, а кругом сверкает начищенный паркет, переливается атласная обивка кресел и диванов…

…А вот Зоя в сильно декольтированном платье, с веером в руках, стоит на маленьком балкончике, а вокруг разливается теплая, полная пьянящих ароматов, южная ночь…

Череду ее сказочных видений резко прервал телефонный звонок.

– Доченька, как у тебя дела?

Мама.

Зоя поговорила с матерью, но про кольцо ей почему-то не сказала. И не от того, что не решалась открыть сам факт траты приличной суммы денег, нет. Мама никогда не следила за ее кошельком. Зная, что зарплата у дочери невелика, иногда подкидывала ей что-нибудь из продуктов, вернее готовую еду. Зоя и сама была великолепным кулинаром, но всегда честно сознавалась, что у мамы гораздо лучше получаются котлеты и оладьи. Деньги Зоя брать отказывалась категорически, а «продуктовый допинг» принимала. Ну разве можно отказать себе во всех этих вкусняшках? Да и маме приятно, она же старалась сделать для дочери что-нибудь полезное.

Так почему же Зоя не сказала про кольцо? Если честно – и сама не знала. Просто ее словно что-то сдержало, слов не нашлось…

Ночью Зое приснился сон. Сначала ее трясло непонятно отчего, потом слух начал улавливать какой-то скрип. Зоя толком ничего не видела, но, как это часто бывает в сновидениях, вдруг отчетливо поняла, что едет в карете. И в ней друг против друга сидят еще две девушки. На вид они ровесницы. Одна из девушек одета в дорогое дорожное платье века этак семнадцатого-восемнадцатого. Вторая явно служанка. Что-то в их облике дает Зое понять, что они иностранки, и разговаривают не по-русски, но Зоя почему-то отлично понимает, о чем они говорят.

– Мадемуазель, простите меня, но может все-таки лучше вернуться? – осторожно спрашивает служанка.

– Я не заставляла тебя, Софи, ехать со мной! И даже говорила, что, если желаешь, на последнем перед границей постоялом дворе мы можем тебя оставить, и ты вернулась бы домой! – нервно произносит ей в ответ хозяйка.

– О, нет! – с жаром возражает ей девушка, и для убедительности прижимает сложенные лодочкой руки к груди. – Просто я не представляю, как мы доберемся до этой страны, как мы отыщем в ней вашего жениха! Я слышала, что там уже очень холодно и на земле лежит много снега! А вы и так склонны к простудам!

Вторая девушка отворачивается и долго молчит, глядя в темное окно кареты. Видно, что она очень напряжена. Служанка с тревогой и жалостью всматривается в лицо хозяйки.

– Ничего, Софи. Я надеюсь на лучшее. Думаю, что Господь меня не оставит. – Девушка осеняет себя широким крестом. Потом, помолчав, добавляет решительно: – Пусть лучше я погибну там, на чужбине, чем стану женой этого злобного старика!

Служанка горестно вздыхает:

– Ах, если бы была жива ваша милая матушка!

Госпожа тоже тяжело вздыхает и смахивает набежавшую слезинку:

– Если бы была жива моя мамочка, то в нашем доме ни появилась бы эта мадам Жюли со своим престарелым кузеном! Отец не потерял бы разум, не пошел бы на поводу у этих отвратительных, жадных людей! Для них же нет ничего святого! Они ведь и слышать не хотели об Александре, о наших с ним чувствах друг к другу! Им глубоко наплевать, что я жду его, что через полгода он должен приехать за мной, и мы с ним собираемся пожениться!

Длинные тонкие пальчики ее касаются небольшого колечка на руке.

– Мы ведь с ним даже обручены… Это его подарок, Софи, – хозяйка демонстрирует девушке кольцо. – Он сам надел мне его на палец и сказал, что оно передается в их роду при обручении уже очень давно!

Зоя с удивлением видит на протянутой ухоженной ручке рядом с обручальным кольцом приобретенный ею сегодня перстень. А карета вдруг резко дергается, так, что они чуть не падают на пол! Дверца распахивается и оттуда тянет жутким холодом.

Зоя дернулась всем телом и проснулась.

Плохо соображая – сон это или уже явь, она полежала некоторое время, пытаясь сообразить, что к чему. И, наконец, до нее дошло – в комнате действительно царит жуткий холод.

Зое вдруг стало страшно. В голове снова четко всплыло воспоминание о прерванном сне, особенно о его странно-жутковатой концовке, и от этого стало еще тоскливее. Она невольно прислушалась, пытаясь уловить в ночной тишине даже малейший инородный звук. И он не замедлил ворваться в комнату. Где-то внизу, под окном, резко просигналила машина, потом хлопнула дверца, и раздался отборный мат.

Зоя резко расслабилась и даже улыбнулась. Фу ты, привидится же бог знает что! Нагнало жути, а все на самом деле гораздо проще! Она резко откинула одеяло и рывком поднялась с кровати, храбро ступив босыми ногами на ледяной пол. Так и есть – занавеска на окне надулась, словно парус, а из распахнутой сквозняком форточки в комнату рвется ледяной воздух с улицы.

Зоя поймала разбушевавшуюся занавеску, закрыла форточку и снова легла. И тут же провалилась в глубокий сон, но уже безо всяких сновидений.

* * *

Утром, надев кольцо на палец, Зоя еще полюбовалась им, а потом с сожалением сняла. Не идти же с таким огромным украшением на работу! Хотя… Носит ведь Настя Болотова всякие штучки – то кулон размером с кулак на грудь повесит, то бусы до пупа. Зоя с грустью вздохнула. Ну, Насте-то можно, она и одеваться умеет соответствующе – *стильно*. Есть у коллеги талант… Зоя снова вздохнула, на сей раз еще печальнее. Покосилась на перстень. Он так и просился на руку!

И вдруг Зоя решительно вернула его на палец и не менее решительно полезла в гардероб. Так, что у нас тут есть?

Там кое-что, конечно, было… Покажите женщину, у которой в шкафу с одеждой пусто. А вот *носить*, как всегда, *нечего*! Э-э-эх! Настину смекалку бы сюда!

И все-таки Зоя справилась. Через полчаса в зеркале в прихожей отразилась молодая женщина в длинной шерстяной юбке и темно-зеленого, почти черного цвета водолазке. Шею украшал оригинально завязанный шелковый платочек веселенькой расцветки. И, как ни странно, все это довольно удачно гармонировало друг с другом.

Так что кольцо вполне можно оставить на пальце!

На работе, конечно, заметили и Зоин тщательно подобранный образ, и перстень тоже оценили. Настя даже пожелала его примерить, но тут пришла заведующая и отвлекла их от болтовни.

А после обеда случилось странное. В зал вошла пожилая женщина с девочкой лет четырех. Бабушка с внучкой. Нормальные посетители, такие часто бывают в библиотеке. Бабуля сейчас выберет себе какие-нибудь любовные романы (в последние годы они почему-то пользуются спросом у старушек), а ребенку в детском отделе подберут книгу сказок. Хотя…

Зоя еще раз посмотрела на девочку. В руках малышка держала розового плюшевого зайца с несуразно длинными ушами.

И вдруг фигурка ребенка перед ее глазами как будто начала таять и расплываться. В ушах раздался металлический грохот, а в глаза Зое резко ударили два ярких снопа света – автомобильные фары.

Зоя вздрогнула и невольно вскинула руку, инстинктивно закрывая глаза.

И тут же все кончилось.

Зоя убрала руку от лица и непонимающе осмотрелась. Вокруг ничего не происходило. Все было как обычно, и даже ее манипуляций никто не заметил.

Зоя осторожно выдохнула. И задумалась. Что это было?

Но не успела она хоть что-то понять, как бабушка с внучкой уже подошли к ее столу. Зоя взглянула на выбранные старушкой книги. Так… И удивленно подняла брови – пожилая читательница взяла «Войну и мир» Льва Толстого.

Женщина видимо заметила Зоино удивление, потому чуть улыбнулась и мягко, даже как-то извиняюще, произнесла:

– Хочу перечитать. Давненько в руки не брала, герои стали подзабываться.

Зоя понимающе кивнула. Толстого она сама читала с огромным удовольствием, буквально на днях подумывала, что надо почитать «Анну Каренину». Раз, этак, в десятый…

– Совершенно с вами согласна.

Заполняя формуляр, Зоя отвлеклась на минуту, потом подала его читательнице на подпись. Подняла голову. И уперлась взглядом в ребенка.

Словно что-то щелкнуло в Зоином мозгу, ее глаза буквально «впились» в девочку. Рот открылся сам собой и каким-то не своим голосом Зоя произнесла:

– Держите внучку за руку. Крепко держите ее за руку! Очень вас прошу!

Пожилая женщина непонимающе уставилась на библиотекаршу. А Зоя уже стала «нормальной» Зоей, приветливо улыбнулась ей и протянула выбранные книги. Старушка откачнулась, поморгала глазами. Сидевшая перед ней молодая женщина с невозмутимым видом убирала библиотечный формуляр в ящичек.

– До свидания… – пробормотала читательница и, действительно взяв внучку за руку, поспешила к двери.

А через несколько минут с улицы донесся какой-то шум. Люди, кто был поближе к окнам, стали с любопытством выглядывать – что там такое происходит?

… Бабушка с внучкой шли по тротуару. На душе у женщины после странных слов не менее странной библиотекарши было неспокойно. Она посмотрела на шедшего рядом ребенка. Малышка радостно щебетала о том, что завтра она пойдет в садик и покажет всем свою новую игрушку. «Бабушка, а я ему имя придумала!» – радостно сообщила внучка и остановилась.

Девочка держала розовое длинноухое чудо перед собой на вытянутых руках и сосредоточенно рассматривала. «Он будет Бомом!» – заявила маленькая хозяйка.

– Почему Бомом? – не поняла бабушка и тоже остановилась, обернулась.

– Потому что у меня уже есть Бим. Так зовут моего щенка. Ну, того, с серым ухом! У него еще бантик на шее в клеточку! Бабулечка, ты, что, не помнишь его?

Бабушка, конечно, не помнила игрушечного песика, что вот уже полгода жил в комнате внучки. Да это ей и не нужно вовсе…

– Пойдем, Катя, что ты встала! – немного резковато произнесла бабушка. Девочка от такого тона даже удивленно подняла на нее большие голубые глазенки.

И тут пожилая женщина сделала то, что и делать-то вроде не собиралась. Она протянула внучке руку и строго сказала: «Ну!». Девочка замешкалась, и тут бабушка сама шагнула к ней и, решительно взяв за руку, потянула вперед. Ребенок растерялся от внезапной строгости всегда мягкой и доброй бабули, детские губки скривились. Катюша торопливо засеменила за бабушкой, едва успев зажать розового Бома подмышкой. Одно длинное заячье ухо волочилось по земле. Девочка хотела его поправить, но сделать это одной рукой было невозможно, да еще и бабушка так быстро вдруг пошагала по тротуару! Еще немного и девчушка готова была горько заплакать от обиды.

Но она не успела. Не успела поправить волочащееся ухо, не успела заплакать… В следующее мгновение сзади послышался стремительно приближающийся звук мотора.

Шаг.

Еще один торопливый шаг.

В следующий миг за их спинами раздался жуткий рев автомобиля, потом грохот и металлический лязг. И снова грохот. Удар.

Голубого цвета иномарка на полном ходу влетела на тротуар и, проехав по инерции несколько метров, врезалась в стену здания.

Буквально за миг до этого бабушка, державшая девочку за руку, почувствовала, как ребенка словно потянуло что-то назад, но она лишь сильнее сжала ладонь и удержала детскую ручку в своей руке.

Потом они с внучкой синхронно обернулись.

Что вырвало у ребенка из-под руки розового зайца – было не понятно. То ли его слегка зацепило машиной, то ли воздушным потоком, но бедный Бом лежал на тротуаре. Длинные смешные уши были безжизненно распластаны по земле, а на одном еще и виднелся грязный след от автомобильного протектора.

– Ой! – пискнула малышка. Потом она увидела свою игрушку и прошептала: – Бабуля, Бом испачкался…

– Ничего, Катенька… Ничего… – тоже шепотом произнесла пожилая женщина посеревшими вмиг губами. А рука ее еще крепче сжала детскую ладошку. – Выстираем мы твоего Бома…

* * *

– Господи! Как они только живы остались! Девочку ведь едва этой машиной не задело! – зашумели враз те, кто видел произошедшее на улице. – Вон, даже игрушка у нее упала!

Остальные тоже потянулись к окну.

– Что?

– Что случилось?

– Авария?

– Где?

Одна Зоя осталась сидеть на своем месте, безучастно глядя перед собой. Внутри было пусто. Не страшно, не больно. Просто – никак.

Что это было на самом деле?

Если честно, то сейчас даже думать об этом она не хотела. Не хотела и не могла. На ум почему-то пришло классическое: «Я подумаю об этом завтра». Совсем как Скарлет О`Хара… Зоя усмехнулась.

Больше в этот день ничего выдающегося не произошло. И на следующий тоже. И еще неделю Зоя прожила спокойно. Даже эмоции от пережитого в день, когда рядом с библиотекой произошла авария, понемногу улеглись.

А потом снова…

В выходной Зоя, как уже было заведено, пришла в гости к родителям. Все шло, как обычно. А незадолго до того, как Зое уйти к себе, к ним заглянула соседка тетя Поля.

– Милые мои, выручайте! Собралась блины печь, глянула, а масло-то кончилось! Плесни в чашку, я завтра куплю, отдам! – обратилась она к Зоиной матери.

Зоя как раз была на кухне, и мама попросила её принести тете Поле непочатую бутылку растительного масла.

– Вот спасибочки! Я завтра куплю и сразу отдам, – заверила соседка Борисовых, принимая из рук Зои пластиковую бутылку.

И в этот момент Зою снова перемкнуло. Стоявшая перед ней тетя Поля начала расплываться-растворяться, а в ушах раздался сильный шум, даже скорее свист воздуха. Все тело на мгновение стало безумно тяжелым и его начало тянуть куда-то вниз. Почему-то захотелось пошире раскинуть руки… Словно крылья… А чужой голос произносит Зоиными губами:

– Тетя Поля, держись подальше от окна! Слышишь?

Сказать, что оторопели все – это не сказать ничего. Соседка заморгала глазами, ошарашено бормоча: «Чего? Зой, ты чего? Какое окно? Ты о чем?» Мама просто уставилась на дочь, не понимая, что происходит. А сама Зоя уже пришла в себя и, как ни в чем не бывало, кашлянула и улыбнулась:

– На, тетя Поля, масло! – и тут же ретировалась в комнату.

Когда за соседкой закрылась дверь, мама вернулась в переднюю и обратилась к дочери:

– Что происходит, Зоя? Я ничего не поняла! Объясни же, наконец!

Конечно, на языке вертелось: «Да, мамочка, со мной что-то такое происходит в последнее время!». Можно было поведать и про случай с читательницей и ее внучкой. Но что-то пока Зою сдерживало. И она, улыбнувшись матери, принялась плести что-то про свои мысли, про то, что читала недавно одну книгу, а в голове нет-нет, да проскальзывают отдельные фразы из нее…

Мама внимательно смотрела на Зою, и та готова была поклясться, что она не верит всей этой белиберде, но обличать дочь тоже не будет. У них это было заведено со времен Зоиного детства – ты можешь не говорить всей правды, пытать тебя никто не станет. В конце концов, могут же быть у человека свои собственные секреты! Конечно, Зоя старалась не лгать родителям, но сейчас был именно такой случай, когда правды им лучше пока не знать. Зоя чувствовала свою правоту всем сердцем, но «на всякий пожарный» скрестила пальцы отведенной за спину руки. Так они делали еще детьми – считалось, что тогда ты вроде как и не лжешь…

* * *

– Зоя! Зоенька! Скажи – откуда ты знала?! – Тетя Поля колобком прокатилась ей под ноги уже следующим вечером.

Зоя возвращалась с работы, а соседка, замерзшая от ожидания на улице, но вся возбужденная и даже какая-то взъерошенная, бросилась ей навстречу. Да еще и попыталась бухнуться в ноги, но Зоя успела ее подхватить.

– Тетя Поля, да что с тобой?! Что ты такое творишь?!

Женщина еще некоторое время восклицала и причитала что-то непонятное, но, в конце концов, Зоя поняла в чем, собственно, дело.

… Утро понедельника у тети Поли началось как обычно. А ближе к полудню она уселась смотреть какой-то сериал. И в тот момент, когда на экране пошла реклама, женщина заметила, что штора на окне висит неровно – петелька соскочила с крючка. Притащив с кухни табуретку, она довольно проворно забралась на нее, потом на подоконник. Вернув петлю на место, тетя Поля заметила, что перед окном со стороны улицы повисла большущая кудель паутины. Видимо ветром откуда-то принесло, решила она, так как окна были недели две назад тщательно перемыты невесткой. Да, ветер сегодня и вправду дул сильный, опять раздурилась погода! Сама тетя Поля мытьем окон в силу своего возраста уже лет пять не занималась. Третий этаж – это вам не шутки!

И чем тете Поле помешала эта паутина? Она смотрела на развевающийся серый клок и четко представляла, что сейчас, стоя на подоконнике, откроет окно и смахнет паутину рукой. Немного, правда, придется потянуться… Или за веником сходить – им это сделать будет сподручнее?

Слезать с подоконника, а потом карабкаться на него обратно, маленькой полной старушке не очень хотелось.

Ее рука уже взялась за ручку рамы…

И в этот момент в голове тети Поли, словно набат, прогудели вчерашние слова Зои: «Держись подальше от окна! Слышишь?!»

Сердце будто кто-то сжал в ледяном кулаке. На дрогнувших ногах тетя Поля сползла с подоконника. Обернулась. Сверху раздался какой-то шум. И тотчас же мимо окна промелькнуло что-то большое. Потом внизу раздался грохот. Когда тетя Поля выглянула из-за занавески, на слегка припорошенной снегом земле лежал кусок шифера. И, если бы она сама не слезла сейчас с подоконника, а делала то, что собиралась сделать, то наверняка лежала бы рядом с тем куском.

И вот теперь тетя Поля возвела Зою в разряд святых. Оттого и собиралась бухнуться перед ней на колени, благодаря за свое спасение.

А Зоя только покачала головой. Что это было? Да я и сама не знаю – что это такое было! И отчего все так происходит – тоже неизвестно!

Кое-как отговорившись от соседки, Зоя попала, наконец, в свою квартиру. И тут уже целиком и полностью отдалась размышлениям.

* * *

В самом деле – что происходит? Не было же до сих пор ничего. Откуда все это вдруг свалилось на бедную Зою? В том, что хорошего от всего этого «ясновидения» вряд ли стоит ожидать – сама Зоя почему-то была уверена. Она была не глупа и вовсе не наивна, прекрасно понимала, что не стоит сию же минуту мчаться открывать какой-нибудь магический салон, чтобы, где правдой, а где и нет, начать зарабатывать деньги. Еще меньше Зое хотелось популярности. А в том, что тетя Поля язык за зубами держать не будет, можно даже не сомневаться. И то, что этот странный ДАР (?) дался ей вовсе не даром – тоже факт. Жизнь явно потребует что-то от нее самой. Дашь на дашь, так сказать…

И что же со всем этим теперь делать? Ей-то как быть?

Зоя сидела, не раздеваясь и не разуваясь, прямо на стареньком трельяже в прихожей и думала, думала, думала. Потом стянула с рук перчатки. И посмотрела на кольцо…

А не в нем ли все дело?

В голову сразу полезли разные мысли. Одна другой чуднее – может быть, это кольцо обладает какой-нибудь магической силой, и, надев его, Зоя обретает дар ясновидения? А может, наоборот – как раз именно Зоя на самом деле одаренная, но ее талант оживает только с кольцом на пальце? А что? Все ведь и началось в тот день, когда она его купила. Сначала сон этот странный… Зое никогда раньше такие сны не снились… А уже на следующий день эта история с читательницей и её внучкой…

Зоя в задумчивости сняла кольцо и поднесла поближе к глазам. Так или иначе, но без него тут точно не обошлось. Непонятно только – КАК это работает? Зоя ведь носит его не только в те дни, когда с ней приключились все эти видения… Может, оно как бы «накапливает» энергию, а потом по определенным моментам отдает ее Зое? В самых, так скажем, серьезных случаях? Ведь не каждый день на людей из ее окружения с крыш срываются листы шифера, и машины на полном ходу заносит на тротуар.

Значит все-таки кольцо…

Чтобы проверить собственную догадку, Зоя на несколько дней убрала перстень в сервант. Там, в оставшемся еще от бабули, чайном сервизе хранились всякие мелкие штучки – пара сломанных часов (давно не ходят, но ни сдать в ремонт, ни просто выкинуть у Зои как-то до сих пор руки не дошли), несколько разнокалиберных ключей, открывавших неведомо какие замки и двери, мамино обручальное кольцо (Зое, как и матери, оно было мало, но родительница решительно вручила его ей еще года три назад. «Сдашь в мастерскую, раскатают пошире». Но Зое делать этого почему-то не хотелось, и на вопрос мамы, почему она до сих пор не сделала кольцо «под себя», та отговаривалась, что в мастерской наверняка обманут, добавят для веса какой-нибудь ерунды, а кусочек настоящего, еще «советского» золота, не додадут).

Кольцо вполне мирно пролежало в чашке неделю, и даже, похоже, не обиделось на хозяйку. По-крайней мере, сны Зое никакие не снились, видений тоже не было.

Выждав еще неделю, которая так же прошла спокойно, Зоя решила надеть перстень. И тут же получила!

В этот день мама попросила Зою съездить в центральную аптеку, купить ей лекарство – в ближайшем аптечном пункте такого не было. Поэтому сразу после работы Зоя отправилась выполнять мамину просьбу.

Домой Зоя возвращалась на троллейбусе. Пассажиров в салоне было немного – она да пара пожилых женщин. Молодежь сейчас предпочитает более шустрые маршрутки, да и время уже довольно позднее, основная часть работающих людей давно дома.

Проехали пару остановок. В троллейбус вошло еще несколько человек. Мельком глянув на них, Зоя отвернулась к окну. На улице было морозно, и стекло оказалось сильно заиндевевшим.

Зоя невольно залюбовалась искусным узором, созданным инеем. И вдруг заметила, что в самой середине его неожиданно появилась темная точка. Еще секунда-другая, и она стала увеличиваться, создавалось впечатление, что кто-то невидимый согревает своим дыханием стекло, и морозный рисунок начинает таять. В образовавшемся «глазке» виднелось какое-то шевеление. А когда радиус «экрана» расширился почти на все окно, Зоя с изумлением увидела странную картину. Комната. Посреди нее большой круглый стол, покрытый скатертью. На стоящем возле стола венском стуле сидит женщина в темном платье фасона позапрошлого века. Она сидит с неестественно прямой спиной, напряженно положив на стол руки. Возле нее стоит мужчина в строгом костюме. Говорят они о чем или нет – Зоя не поняла. Ее внимание привлек большой серебряный перстень на руке женщины. Разглядев его, Зоя чуть не ахнула – это же ее перстень!

И тут до Зои дошло – а ведь и другие пассажиры троллейбуса тоже должны видеть то, что «показывает» окно. Она обвела взглядом салон троллейбуса. Все люди спокойно сидели на своих местах. По всему выходило, что «картинку» видит только она одна.

«Ну, вот, началось!» – подумала Зоя и перевела взгляд на стекло. А там происходило не совсем понятное, потому что звука так и не было, просто шло «немое» кино. Но, вглядевшись, Зоя начала понимать, что мужчина словно в чем-то убеждает женщину, а она не соглашается с ним. Вот «на сцене» появляется еще одно действующее лицо – девушка в простом сером платье и в белом переднике. Она замирает неподалеку от стола. Зоя не видит ее лица, так как девушка стоит к ней спиной, видна лишь длинная русая коса.

И вдруг все трое резко разворачиваются в одну сторону. Возле стола появляются мужчины с оружием. Один одет в кожанку, на голове у него фуражка со звездой. Видимо, это время революции – картинка очень уж похожа. Вошедшие что-то говорят хозяевам, потом уводят мужчину. Человек в кожанке обращается к сидящей даме. Она выслушивает его, медленно поднимается со стула. Служанка кидается к ней, обнимает, плачет. Женщина что-то шепчет девушке, а сама незаметно снимает с пальца кольцо и передает ей. Потом дама уходит, следом за ней исчезает и человек в кожаной куртке. Девушка смотрит им вслед, и вдруг опускается прямо на пол и закрывает лицо руками. Видимо она плачет. И вдруг резко вскидывает голову, словно какой-то звук из соседней комнаты привлекает ее внимание. Она спешит туда и вскоре возвращается с младенцем на руках.

Ах! И изображение моментально пропадает! Зоя даже вздрагивает от неожиданности, снова оглядывается на пассажиров. Никто ничего не заметил. А стекло уже снова затянуто серебряным, сверкающим от уличных огней, узором.

Ошеломленная Зоя опять начала ломать голову – что это было? Кто эти люди, коих ей одной столь любезно продемонстрировало окно троллейбуса? И главное – почему?

* * *

В следующую субботу Зое предстояло работать уже по графику. Настя, которая была у нее в должниках, готова была ее заменить, но Зоя сказала, что выйдет на работу сама. Коллега, естественно, не огорчилась и предлагать свои услуги больше не стала.

А Зоя, едва переступив субботним утром порог библиотеки, сразу же включила компьютер и вышла в интернет. За эти несколько дней она хорошенько все обдумала и даже составила приблизительный план поиска.

Искать Зоя начала с перстня. Несколько часов «убила» на то, что пересмотрела кучу всяких изображений серебряных перстней с камнями. Если честно, то она давно уже забыла название того минерала, что украшал ее кольцо. Ничего, покопалась в «сети» и вспомнила, а вернее – нашла. Унакит. Странное название – ни разу до этого такого слова не слышала…

Картинок с перстнями было великое множество. Были и с таким камнем. И даже серебряные. Но ничего похожего на ее собственное украшение Зоя не нашла. Зато вдоволь начиталась о том, что камень унакит подходит людям целеустремленным (к таковым она себя не относила); что он помогает чуть ли не исполнять желания и достигать поставленные цели (глобальных мечтаний Зоя не вынашивала). Спрашивается – зачем тогда вообще его купила? Может он кому-то был нужнее? Помог бы в чем-то…

Передохнув, Зоя зашла с другого конца – стала искать выход в архив – ведь именно там можно было найти хоть какие-то сведения или о людях, что привиделись ей на троллейбусном окне, либо, если уж очень повезет, то и о той иностранке, что приснилась в карете.

Видимо Зоя родилась под счастливой звездой – на одном сайте ей попалась на глаза знакомая фамилия. Точно – это чудо! В областном архиве работала ее бывшая одноклассница! Они, правда, не виделись с ней много лет… Но зато в школе плотно общались! И найти ее

телефон можно. В том, что это именно она, можно было не сомневаться – сочетание так называемых ФИО: Инга Моисеевна Губерман, согласитесь, встречается не на каждом шагу. Главное – придумать более-менее правдоподобное объяснение – с чего это вдруг Зоя Борисова возжелала получить такие странные сведения из архива.

И Зое снова повезло – Инга Губерман искренне обрадовалась встрече с бывшей одноклассницей и восприняла ее просьбу покопаться в архиве вполне адекватно. Небылицу про дальнюю пра-пра-прародственницу проглотила «на раз»:

– Сейчас многие занялись поисками своих корней. Кто сам ищет, кто просто заказывает оплачиваемую услугу. Говорят, кстати, что это весьма прибыльный бизнес.

Зоя только кивнула в ответ. Нанимать специально обученных людей ей не на что, придется самой покопаться…

* * *

Благодаря Инге Губерман через несколько дней Зоя попала в святая святых, туда, куда обычному человеку вход строжайше запрещен.

Обожающей книги Зое показалось, что она очутилась в ином мире. И был этот мир настолько таинственен и прекрасен, что у нее аж дыхание перехватило! В больших картонных папках, коими были заполнены специальные стеллажи, хранилось прошлое великого множества людей. И каждый пожелтевший от времени листок, словно крохотный ручеек, вливался и питал могучую реку под названием ИСТОРИЯ.

И пусть от старых бумаг пахло пылью и еще чем-то старым! Даже листать их, вглядываясь в почти непонятные, написанные чернилами и, наверняка, еще гусиными перьями строчки было безумно интересно! И Зоя одновременно с удовольствием, восторгом и трепетом вдыхала эти запахи, вглядывалась в витиеватые буковки и цифры. Как же интересно!

Несколько дней ушло на то, чтобы подобраться буквально на миллиметр к объекту поиска. После долгих и кропотливых поисков в одном документе мелькнула строчка: « …прибывших в город С. девицу Изольду Оскальд и ее девку Софью закрыть до завтрева утра. Допрос чинить каждой по отдельности, покамест силу не применять. Вызвать из государевой службы Александра Мона для сличения…»

У Зои дрогнуло сердце – неужели хоть что-то?! Неужели нашла?! По крайней мере, есть некоторые совпадения в именах: Софи – София, Софья, причем речь идет о девушке явно низшего сословия. Обе женщины прибыли в Россию. Александр, опять же, и возлюбленный знатной дамы из кареты тоже был Александром…

… В небольшой комнате, слабо освещенной одной-единственной свечой, нервно расхаживает туда-сюда девушка в платье с длинной пышной юбкой. Вторая девушка, в наряде попроще сидит на широкой скамье, прижав к себе небольшой дорожный баул.

– Вот мы и в России, Софи! – произносит чуть дрогнувшим голосом хозяйка. И не понятно – чего в этом возгласе больше – радости, облегчения или страха.

– Ну да, – с сомнением откликается служанка, – и я уже начинаю замерзать.

– Отчего же? Накинь на себя еще что-нибудь из одежды! От этого баула ты вряд ли согреешься, – замечает девушка.

Служанка смущенно опускает взгляд.

– Возможно, нам обеим хватит тепла от этой поклажи, мадемуазель…

Госпожа, занятая своими мыслями, не сразу понимает эти слова. Потом до нее, наконец, доходит смысл сказанного, и она резко разворачивается к девушке.

– Что ты сказала, Софи? Что это значит?

Вместо ответа Софи отмыкает свой баул и достает из него довольно приличных размеров предмет, туго спеленутый в какую-то тряпицу. Откинув край ткани, она показывает хозяйке буквально краешек спрятанной вещи.

– Софи! – только и восклицает та и всплескивает руками. – Но откуда?! Как ты?!..

– Это же все принадлежало вашей матушке! – Служанка, наконец, решается поднять глаза на хозяйку. – Так что это по праву ваше. А мадам Жюли вполне хватит того, что она уже прибрала к рукам! Да и сколько еще приберет…

Молодая госпожа только горестно вздыхает и опускает голову.

В этот момент за закрытой дверью раздается лязг затвора, и дверь распахивается.

Женские головы поворачиваются на звук. Руки Софи проворно скрывают предмет под тряпицу, и он тут же исчезает в утробе дорожного баула.

Застывшая посреди комнаты девушка всматривается в того, кто стоил на пороге. Глаза ее делаются огромными и она радостно вскрикивает:

– Александр!

* * *

Зоя вздрогнула и пришла в себя. Она так четко видела эту странную картину, словно сама была в той комнатушке. Зоя моргнула пару раз, словно прогоняя наваждение, и только потом огляделась. Ну да, она на самом деле сидит все там же, в архиве. Вот стол, вот лампа с зеленым абажуром. Перед ней папка-короб, доверху наполненная пожелтевшими от времени бумагами.

В принципе, Зоя почти не удивилась своему видению, и даже усмехнулась, подумав, что уже начинает привыкать к таким вот «картинкам». Что-то подсказывало ей, что привидевшееся только что как раз и свидетельствует о том, что она на правильном пути.

Ещё несколько дней ушло на копание в архиве. Зоя понемногу даже стала привыкать к старорусскому языку, почти не напрягаясь начала понимать написанное красивыми, но весьма витиеватыми буквами.

Из огромной толщи архивных документов, довольно тщательно изученных Зоей Борисовой, набралось совсем немного материала. Но главное ей все-таки удалось узнать – в середине восемнадцатого века из одной европейской страны в Россию прибыла некая Изольда Оскальд. Приехала она к своему жениху Александру Мону. Сей молодой человек служил в одной крупной государственной конторе, и именно потому записи об этих людях были сделаны и сохранены для истории. Будь он обычным товарищем… пардон, господином… – вряд ли бы Зоя нашла даже крохотное упоминание о нем.

«Итак… Что мы имеем? – размышляла она в один из вечеров, вернувшись из архива. – А имеем мы имена, примерные даты и место действия. Суть тоже понятна. Молодая иностранка приезжает к нам в страну со своей служанкой. Она бежит из дома, где правит не совсем доброжелательная и щедрая мачеха, к своему возлюбленному, который состоит на государевой службе. Встреча, несмотря на всю невероятность, все же состоялась. И даже, спустя полгода, был зарегистрирован церковный брак девицы Изольды и господина Мона».

История очень смахивает на сказку. Любой более-менее способный к фантазия человек может развить сюжет дальше и накропать этакую мелодрамку в стиле «Гардемаринов».

А вот дальше сказка кончилась.

Что-то там произошло… Зоя не имела доступа к серьезным архивным данным, а по скупым, порою обрывочным, фразам поняла, что Александр Мон оказался замешан в каких-то нехороших делах. Была его вина в чем, или нет, история, как говорится, умалчивает. Но осуждены были Мон, а с ним и еще три человека, по явно серьезному обвинению. Осуждены, и сосланы на каторгу.

Последнее упоминание об этой паре дало Зое информацию о том, что жена Александра умерла от тяжелой болезни. «…А младенец их, женского полу, двух месяцев отроду, не сыскан. Не отыскалась до сей поры и девка Софья, что у барыни в прислугах состояла…»

* * *

На том поиски застопорились. Дальше никаких упоминаний об Александре, Изольде и Софье. Зоя пока решила все тщательно записать и обдумать. И даже перстень не носила несколько дней – пока не хотелось никаких потусторонних вмешательств.

Пару недель она прожила нормальной жизнью – спокойно спала, почти без сновидений, а если и снилось что, то сон был безобиден, как в детстве. Голова, правда, была занята мыслями об этой троице, но и то не сильно, не напрягало.

Зоя понимала, что, если ей захочется узнать еще что-то о Моне и девушках, то копать надо в серьезных архивах. Туда ей вряд ли удастся попасть, да и нужно ли? Пока она решила подождать и посмотреть, что же будет дальше.

В субботу Зоя занялась уборкой. Вытерла пыль, помыла полы, и даже вышла на балкон, чтобы потрясти большой пушистый плед. Во дворе было шумно – на установленной буквально месяц назад детской площадке по случаю выходного дня и хорошей погоды играло много детей.

Что заставило Зою, когда она закончила уборку, надеть на палец перстень и подойти к окну – она не знала. Но, тем не менее, сделала это – и перстень надела и к окну подошла. Постояла немного, глядя, как носятся внизу ребятишки, как, визжа, скатываются с горки. Пара малышей пытается лепить куличики из снега. Но на улице нет оттепели, и куличики не получаются, снег рассыпается…

Взгляд Зои остановился на девчушке лет пяти. Она была одета в красный комбинезон, и на нее было трудно не обратить внимание.

Девочка подошла к раскрашенной во множество цветов металлической качели. Крикнула что-то двум стоявшим чуть поодаль оживленно болтавшим женщинам. Одна из них повернулась в сторону девочки и согласно кивнула головой. Женщины снова увлеклись беседой.

Ребенок, видимо получивший разрешение на то, чтобы покачаться на качели, уселся на сиденье и сильно оттолкнулся ножкой от земли.

И тут Зою словно кто-то подтолкнул. Она резко развернулась, быстро вышла в прихожую. Схватив с вешалки пальто, Зоя, как была – в тапочках, полетела вниз. На ходу надев на себя пальто, она выскочила на улицу, и только здесь пришла в себя. Резко остановилась, оглядела двор. Все по-прежнему было спокойно, кажется, никто даже не заметил пулей вылетевшую из подъезда молодую женщину.

Зоя запахнула пальто и спокойно пошла в сторону девочки в красном комбинезоне. «Скрип-скрип, скрип-скрип…» – донеслось до Зои. А у нее в голове словно кто-то качнул гулкий метроном, и каждое мгновение, как капель, зазвучало в ее мозгу.

«Скрип-скрип…» Шаг, еще шаг… Только бы успеть… И еще: надо как-то сделать так, чтобы не напугать малышку… А она раскачалась очень и очень сильно! «Скрип-скрип…» Вот она уже совсем рядом…

«Но как же сделать так, чтобы девочка не испугалась меня, и, самое главное – послушалась?» – крутилось в голове. «Как?! Что бы такое придумать?!»

Со стороны могло бы показаться, что Зоя просто идет мимо качелей. И все бы ничего, но там не было ЕЕ ребенка, и на ногах у Зои были домашние тапки… Но никто этого не замечал. Как не заметили ни взрослые, ни дети, что Зоя подошла к качелям и обратилась к девочке:

– Привет, малышка!

– Привет! – откликнулся ребенок.

– А можно я тоже покачаюсь? – голос добрейший и улыбка. Улыбка во весь рот!!!

Девочке, конечно, не хочется слезать с качелей, но тетя смотрит так просящее… Ребенок пяти лет еще не успел ожесточиться от этой жизни, он умеет жалеть. Девчушка с явной неохотой кивает и начинает притормаживать.

По инерции тяжелые качели могут раскачиваться еще довольно долго, но времени совсем не остается – Зоя уже просто физически начинает это чувствовать. В какой-то момент она изловчилась и буквально выдернула девочку с сиденья.

И в ту же секунду за спиной девочки раздался какой-то металлический скрежет. Мгновение тишины… И вот уже металлическая перекладина отламывается с одной стороны, и летит вниз, а две тяжелые стойки устремляются навстречу друг другу. Буквально за пару секунд там, где только что с удовольствием качался ребенок, с жутким грохотом образовалось непонятное нагромождение из металлических труб от рухнувшей качели.

Что тут началось!

Взрослые, кто успел что-либо понять, рванули к месту крушения. Те, кто ничего не видел и не понял, тоже присоединились к ним – жажду зрелищ у людей никто не отменял. Дети заверещали. Мамаши загалдели и замахали руками.

Болтавшая с товаркой женщина, оказавшаяся мамой спасенной девчушки, кинулась к дочери. Вырвала ее из рук Зои, затормошила, затрясла, высматривая повреждения и расспрашивая о самочувствии.

Ребенок был в порядке. Зоя тоже. Ошарашена, конечно, произошедшим, но вполне адекватна. Постояла, посмотрела на всех, потом подняла руку, и, словно смахнув что-то с лица, повернулась и медленно пошла в сторону подъезда.

Мать спасенного ребенка крикнула ей вслед слова благодарности, Зоя обернулась, кивнула в ответ.

За всей этой картиной внимательно наблюдали две пары глаз. Женщина в светлой дубленке – лет сорока, среднего телосложения, с длинными черными волосами – она сидела на самой дальней скамейке. Когда Зоя скрылась в доме, темноволосая дама неспеша поднялась и, поправив волосы холеной рукой, медленно пошла прочь со двора.

Вторым человеком, видевшим все с начала до конца, была Зоина мама. С тревогой прижав левую ладонь к сердцу, она стояла у окна своей квартиры и смотрела во двор. Когда дочь вошла в подъезд, женщина горестно вздохнула и направилась к двери.

Через несколько минут в квартиру Зои позвонили. Зоя, не раздеваясь, сидела в прихожей прямо на трельяже. Щелкнула замком. На пороге стояла мама. Она была бледна и сильно напряжена.

– Нам надо поговорить.

* * *

То, что услышала Зоя от матери, было более чем странно. И, если бы с ней не происходило ничего непонятного в последнее время, то вряд ли она поняла бы маму. Может быть – даже не поверила бы ей.

…Однажды летом четырехлетняя Зоя гостила с матерью в небольшом поселке у бабушки. Как-то раз они возвращались из магазина. В одном месте нужно было перейти довольно широкую асфальтированную дорогу. Мама не успела взять дочь за руку, и девочка в какой-то момент, не глядя по сторонам, перебежала на другую сторону. На ее счастье машина, ехавшая по дороге, успела притормозить. Все обошлось – шофер только покосился на них недовольно.

Мама подбежала к Зое и начала ее ругать:

– Разве можно так перебегать дорогу?! Я же тебе сколько раз говорила – прежде чем переходить улицу, нужно смотреть по сторонам! Ты видишь – машина была совсем близко!

А если бы дяденька-шофер не успел затормозить? Ты бы попала под машину и умерла! – в сердцах отчитывала ребенка мать.

– Нет. Ей еще не время. Рано. – Раздался вдруг за спиной женский голос.

Мама обернулась и увидела жительницу поселка. Она весьма смутно знала эту даму. Но маме было известно, что про нее ходят нехорошие слухи, что, мол, та женщина – колдунья.

Не желая продолжать разговор, мама схватила дочку за руку, но не успела двинуться с места, как женщина, вглядевшись в детское личико, вдруг проговорила:

– О-о! Узнаю Лукерьину кровь!

Мама окончательно перепугалась и поспешила прочь, таща Зою за собой. А вслед им неслось:

– Вырастет – приводи ее ко мне! Ей самой не понятно будет! Помогу!

Мама тогда была сильно напугана. Несколько недель она очень пристально наблюдала за дочерью, но Зоя была такая же, как всегда. Мама боялась, что колдунья сумела наслать на ее девочку какую-нибудь порчу, дочка могла заболеть. Но ничего, слава богу, не происходило. И тогда мама успокоилась. Мало ли чего могла наболтать странная тетка много лет назад…

Но то, что увидела Зоина мама, когда дочь предупредила соседку об опасности, снова вернуло ее к мысли, что что-то все же происходит.

– Я не стала у тебя тогда выспрашивать… А ведь Полина мне потом чуть не ноги целовала за тебя…

– Мам, а как звали мою прабабушку? – вдруг тихо спросила ошарашенная Зоя. Вот ведь – нет слов – как и назвать-то себя! – не удосужилась за всю жизнь узнать имени прародительницы…

– Луша. Бабушка Луша ее звали… Строгая очень была, ее вроде как побаивались на селе. Иногда люди приходили к ней. Но что она им делала – не знаю, нас до этого не допускали. Потом, уже после ее смерти, я краем уха услышала, что она типа знахарки была. Но я не помню, чтобы травы там по всему дому были развешены, или еще что. Так, имелось немного, надо же было чем-то лечиться, таблеток тогда простым людям негде было взять…

* * *

Как ни думали, как ни гадали мать с дочерью, но все же решили ехать. Мама, правда, не была уверена, что та женщина еще жива. Больше двадцати лет прошло, а она уже тогда была в возрасте.

Каково же было удивление Зоиной матери, когда, войдя в калитку обычного деревенского дома, она увидела хозяйку жилища. Накануне прошел сильный снегопад, и одетая в сильно поношенную, но чистую куртку, женщина неспеша чистила дорожку.

Заслышав скрип калитки, она разогнулась, и, опершись на лопату, спокойно смотрела на приближающихся гостей.

Борисовы подошли к ней, поздоровались. Пожилая женщина, чуть прищурившись, посмотрела сначала на мать, потом перевела взгляд на дочь. На Зою она смотрела довольно долго. Потом, словно очнувшись, кивнула:

– Ну, здравствуйте и вы!

Зоя поглядела на маму и по ее растерянному лицу поняла, что они действительно нашли то, что искали. А вернее – ту. Ту самую женщину из прошлого, которая что-то знала. И которая, возможно, хоть что-то им объяснит.

Хозяйка пригласила посетительниц в дом. Войдя в переднюю, Зоя с некоторой опаской осмотрелась. Дом как дом. Обстановка не шикарная, мебель двадцати – тридцатилетней давности, но кругом чисто. Ремонта тоже давненько не было… Хотя, скажите, кто больно роскошно живет в глубинке нашей матушки – России?

Никаких колдовских атрибутов в доме Зоя не заметила. Разве что икон не было ни одной, а сейчас редко встретишь жилье без божьего лика. Зоя на всякий случай как бы невзначай коснулась пальцами того места, где в край кофты была спрятана булавка. Мама специально велела приколоть ее головкой вниз, и себе такую же в подол юбки заколола. Еще на шее у Зои висели на цепочке крохотный серебряный образок и крестик, но это был давний подарок родителей, и она носила их не снимая.

Пожилая женщина покосилась на Зою, и едва заметно усмехнулась. Потом махнула рукой в сторону соседней комнаты, предлагая пройти туда. Зоиной матери, шагнувшей было вперед, она преградила путь:

– А ты тут побудь. Нам вдвоем с дочкой твоей переговорить надобно. – Старшая Борисова хотела что-то возразить, но хозяйка нахмурила брови. – Тебе этого знать не нужно. Ты обыкновенная, а она, вот, нет. Ей все и скажу. Сиди, жди. Чаю попей, недавно вскипел.

И мама Зои осталась в передней. А хозяйка, прикрыв дверь, прошла следом за гостьей в небольшую комнатку, выходившую окнами во двор. Здесь стоял маленький диванчик и полированный столик на тонких ножках. Сев на единственный стоявший возле стола деревянный стул, женщина указала рукой на диван.

– Садись, чего стоять. В ногах правды нет, а разговор у нас будет нескорый.

Зоя послушно опустилась на диванчик.

Некоторое время они обе молча смотрели друг на друга, словно пытались считать с лиц какую-то информацию. Неизвестно, о чем думала хозяйка, но Зоя точно думала о ней самой. Что это за человек? Что ей известно? И скажет ли она всю правду?

– Пусть мамка твоя там почаевничает, – качнула головой собеседница. – Да-а… Пивали мы, помнится, с твоей прабабкой чаек… Она большая охотница до него была…

Хозяйка улыбнулась каким-то своим воспоминаниям. А Зоя невольно сдвинула брови, пытаясь сообразить, сколько же лет собеседнице, если она умудрилась еще с ее прабабушкой чаи распивать. Маме шестьдесят с небольшим. Бабушке сейчас было бы к сотне…

– Что, прикидываешь, какая я древняя? – хмыкнула пожилая, но на вид отнюдь не «древняя» женщина.

Зоины щеки невольно зарозовели.

– Много мне лет, ты права. Если все нормально, то на следующий год девяносто стукнет. Вроде и пора помирать, да не могу. Некому мне свою силу передать.

Зоя напряглась. Так, начинается. Сейчас еще колдовать начнет! Зоя не вчера родилась, да и работала в женском коллективе, так что была наслышана про нелегкую долю *необыкновенных* людей, про то, как непросто им живется в этом мире, и как не менее тяжело они его покидают. И про то, как передают свою силу другим при уходе…

Хозяйка глянула без улыбки:

– Не бойся. Я тебе ничего передавать не буду. Ты и так уже сильнее меня. Права была твоя прабабка…

Дальше последовал неторопливый рассказ, осмысливать который Зое пришлось с огромным трудом.

* * *

Хозяйка дома была еще небольшой девочкой, когда они сблизились с Зоиной прародительницей. Они и в самом деле частенько сиживали за самоваром, вели беседы. Необыкновенные способности хозяйки дома начали проявляться уже тогда, в далеком детстве, люди относились к ней с опаской, но, когда приспичивало что-то серьезное, то все равно шли к ней за помощью. Близкой дружбы с девочкой никто не водил. Да она и сама уже стала всех сторо-

ниться. Всех, кроме Зоиной прабабушки. Когда девочка подросла, взрослая подруга посвятила ее в свою тайну.

Когда-то, в очень давние времена, из Европы в Россию приехали две девушки. Одна была дочерью богатых родителей, а вторая – ее служанкой. У первой приехать на чужбину было две причины – после смерти матери у нее не сложились отношения с мачехой, а на русской земле служил ее жених. Девушкам повезло – они не только уцелели в своем рискованном путешествии, но даже встретились с женихом хозяйки. Молодые люди поженились, у них родилась дочь. Здесь надо сделать отступление – в дальнейшем в их роду рождались только девочки, и то в количестве одной штуки на семейную пару.

Казалось бы, тут и сказочке конец, а кто слушал – молодец. Но это был не конец, а только начало. Все эти долгие годы невзгоды и несчастья просто неотрывно шли бок о бок с девочками. Может и не каждая из них, но большинство испытало на себе многие тяготы жизни. Словно злой рок преследовал детей. Их как будто специально старались уничтожить. Но всегда рядом находились люди, которые спасали девочек.

Все это можно было бы списать на трудные времена, на все то, что происходило в нашей стране в те далекие годы. Но главное заключалось не в том. Корнем всех злоключений было то, что по женской линии в этой семье передавалась *сила*. Не каждая наследовала эту *силу*, не каждая могла ее использовать. Но – когда через одно, когда через два поколения – всплывало это чудо. И рожденная от, казалось бы, обычной женщины, девочка начинала творить чудеса. Кто-то мог лечить без лекарств, кто-то обладал даром предвидения. А это во все времена было важно.

Сила была в человеке, девочка – девушка – женщина являлись как бы носителем ее. Но энергетика увеличивалась в разы, когда дама надевала на себя некие ювелирные украшения, которые во всех этих передрягах были безвозвратно утеряны.

Прабабка Зои была *сильной*. Дочь ее и крохотная в ту пору внучка этим *даром* не обладали. И прабабка знала, что природа как бы «копит» эту *силу* и даст ее следующей девочке в роду. Потому-то она и просила запомнить все и пересказать в дальнейшем тому человеку. «Я уже не дотяну до того времени, а ты поживешь!» – заявляла она своей юной собеседнице. «Трудно ей будет самой разобраться, что к чему».

– А почему именно вам? Почему не передавать *это*, ну, в смысле сведения о силе, напрямую, через мать – дочери, потом дальше? – задала Зоя первый вопрос, перебив собеседницу.

Хозяйка внимательно посмотрела на нее. Помолчала.

– А я ведь тоже спрашивала ее об этом. Я же тогда молоденькая была, не все понимала. Это теперь… – она не договорила, что именно «теперь», снова принялась молча смотреть на Зою. Та тоже примолкла.

– А времена-то какие были – не помнишь? Да за такое могли так упечь! Прабабушке твоей ведь жуть какую пережить пришлось! Их с мужем, с прадедом твоим, арестовали сразу после революции. Он сгинул потом без единой весточки. А прабабка в лагерях намыкалась досыта. Чуть не расстреляли ее. Подробности она, правда, не рассказывала, обмолвилась только как-то, что не выжила бы, если б не получилось ей каким-то чудом имя сменить. Она ведь по рождению-то Елизаветой была. А стала Лукерьей. С тем именем всю жизнь потом и прожила. Дочку ее махонькую девушка, что в прислугах у них в доме была, сумела как-то спасти. Нашла она их потом… Но правды никому так и не открыла… Разве можно было такое кому сказать? Тотчас же пристроили бы куда следует! Это теперь все можно… вот и повылазило всякое… Путное, не путное – все можно! И потом… Вот скажи – если бы тебе чуть раньше, когда у тебя самой еще ничего не было, кто-то сказал про все это – ты бы поверила?

Зоя захлопала глазами. Ну, да… вряд ли… Хоть и начитанная она была, и романтизмом не гнушалась, но поверить в такое? Нет, вряд ли…

Женщина, видимо, считала ее мысли, усмехнулась, качнула головой.

– Ну, вот видишь…

– А если бы не получилось… Ну, всякое могло бы случиться… Не встретились бы мы с вами?

– Так ведь встретились же!

Зоя кивнула. Ну, да, встретились.

– Вот потому и велено было мне все тебе передать. Я знаю, о чем говорю. И ты теперь тоже знаешь. Потому и понимаем мы друг друга. А мать твоя не поймет. Бояться за тебя будет, переживать. А ее черные мысли тебе ни к чему. Мать должна светлым крылом свое дитя укрывать.

Зоя помолчала некоторое время. Молчала и собеседница, видимо давая ей время на обдумывание всего услышанного. Подумать, действительно, было о чем…

– И что мне теперь со всем этим делать? – растерянно произнесла Зоя.

– А от тебя тут ничего не зависит, – пожала плечами пожилая женщина, запахнув на груди вязаную жилетку. – Все само по себе будет идти. Одно могу сказать – во благо или во зло дела творить – это тебе самой решать. И непросто будет, иной раз даже совсем тяжко… Но, все равно все будет зависеть только от тебя самой. Так что живи, девонька.

Хозяйка поднялась со стула, и тут Зоя заметила, что она словно стала меньше ростом. Будто бы те знания, которыми она поделилась только что с гостьей, вышли из нее вместе с силами и физическим объемом. Тяжкий, видимо, груз она носила в себе все эти годы. И, как ни странно, но Зоя вдруг совсем перестала ее бояться. Почему – не понимала, но страх ушел.

– А маме можно говорить про все это?

– Маме? Маме-то можно. Только нужно ли ей все знать? Тут я тебе не советчик. Ты уж сама слова подыщи… Она, конечно, все равно спрашивать будет. Но ты покумекай как следует, прежде чем рот-то открывать. Хотя это и так всегда нелишне, – добавила женщина, шагнув к окну. Поправила белоснежный тюль и развернулась к гостье, явно давая знать, что аудиенция окончена.

Уже стоя на пороге, Зоя вдруг развернулась, и чуть было не задала хозяйке неожиданно возникший в голове вопрос: «А, скажите, как, по-вашему – Бог есть?». Она уже собиралась произнести это вслух, но наткнулась на строгий и даже тяжелый взгляд пожилой женщины. «Не богохульствуй!» – «услышала» Зоя где-то в своей черепной коробке, и тотчас же покрепче сжала губы и шагнула из комнаты.

* * *

В один из дней коллега Зои Настя пришла на работу заплаканная. Другие женщины сразу обратили внимание на то, что с обычно веселой, казалось бы, не особо обремененной чем-либо девушкой в последние дни творится что-то неладное. Зое же было не до нее. Погруженная в свои мысли, которые, естественно, крутились вокруг того, что происходит с нею самой, она вообще многого не замечала.

Лишь только когда Настино лицо в какой-то момент оказалось совсем близко, Зоя сообразила, что с нею что-то не так. Побледневшая и даже какая-то осунувшаяся девушка совсем не походила на привычную Настю.

– Что случилось? – не совсем тактично спросила Зоя.

– Ничего, – буркнула Анастасия и поспешно отвернулась.

Но Зоя уже почувствовала, что на самом деле произошло что-то серьезное. Обычно даже размолвки с кавалерами она переживала гораздо легче.

Приставать с расспросами в их женском коллективе было не принято. Сплетни, конечно, как обычно, являлись любимой пищей для дамских умов и языков, но несколько раз вспыхнувшие серьезные ссоры из-за чрезмерного любопытства коллег, несколько охладили желание

сильно приставать с расспросами. Ну не хочет человек говорить, зачем же за горло брать? Тем более что всегда можно вдоволь почесать языками и за его спиной…

Зоя сплетницей не была, и даже не примыкала ни к одной группировке, на которые негласно давно был разделен их женский коллектив. Поэтому и узнать причину Настиного грустного вида она могла только от нее. Хотя на сей раз и все остальные коллеги лишь томились в догадках – Анастасия по отношению ко всем держала крепчайшую оборону.

Все открылось внезапно – во второй половине дня, перед чаепитием, Зоя пошла помыть руки. В туалете одна из кабинок была закрыта. Пока Зоя плескалась под краном, из кабинки вышла заплаканная Настя. Зоя невольно задержала взгляд на ее отражении в большом настенном зеркале. Надо же, как может измениться человек – всегда со вкусом одетая, с хорошей прической и макияжем, сейчас Настя была ничуть не лучше самой Зои. Одетая кое-как – в джинсы и клетчатую рубашку, средней длины волосы собраны в небрежный хвостик на затылке. Да еще и глаза покраснели, и нос слегка распух.

Настино отражение глянуло из зеркала растерянным взглядом. Зоя и сама растерялась от неожиданности. Спросить, что случилось? Неудобно как-то…

Но Настин взгляд явно просил поддержки.

– Что-то случилось?

Коллега закусила губы и резко кивнула, явно пытаясь сдержаться и не зареветь вновь.

– Помощь нужна?

Настя отрицательно затрясла головой и даже шагнула к двери. Зоя продолжала смотреть на нее в зеркале.

Уже взявшись за дверную ручку, Анастасия вдруг резко развернулась и кинулась прямо Зое на грудь.

И тут словно плотину прорвало. Девушка заплакала и одновременно сквозь слезы заговорила. Зоя даже не сразу поняла, что именно она рассказывает. Потом, когда Настя немного успокоилась, ситуация прояснилась.

* * *

Настя Болотова до сих пор жила с родителями. У них была обычная семья, ничем не отличавшаяся от миллионов таких же «ячеек общества» в нашей стране. И мама, и папа работали, до пенсии обоим было еще далеко. Больших денег не было, но и не бедствовали, как говорится…

Беда подкралась незаметно – глава семейства начал крепко выпивать. В доме начались скандалы. Мать и дочь просили мужчину остановиться, одуматься. Но словесные увещевания никакого действия не возымели.

А вчера отец впервые в жизни поднял руку на маму. Ударил один раз. В лицо. Сильно. Женщина не ожидала удара и не успела увернуться. В итоге отлетела назад и ударилась головой о косяк. Приехавшая «скорая» забрала маму Насти в больницу. Разбитая скула. Сотрясение мозга. Мать и дочь в шоке. Виновник происшедшего чувствовал себя виноватым совсем недолго – когда Настя вернулась из больницы, отец уже напился «в стельку» и зверски храпел в спальне на супружеском ложе.

Теперь горе Насти было действительно велико – мама, всегда имевшая чувство собственного достоинства, прямо заявила, что подаст на развод: «Если человек ударил тебя один раз, он когда-нибудь ударит снова, даже если сейчас ползает перед тобой на коленях, моля о прощении». Второго раза Настина мама ждать не собиралась.

Анастасия любила их обоих. Даже отца, отчего-то ставшего вдруг совсем другим человеком. И сейчас она буквально разрывалась от столь противоречивых чувств: Настя любила родителей, жалела маму, начинала бояться пьющего отца. И еще ей было стыдно… как может

быть стыдно взрослому ребенку за что-то нехорошее, что творится в семье. В душе мы все понимаем, что жизнь очень сложная штука, и случиться может всякое. Многие живут, совершенно не обращая внимания на «косяки» друг друга. Но очень часто, причем именно в благополучных семьях, если не дай бог, случается какая-то грязная история с родителями, тогда дети, достаточно подросшие, а то и совсем уже взрослые дети первыми испытывают чувство стыда. Потом приходит понимание ситуации, человек разбирается в произошедшем, делает какие-то выводы. Постепенно он даже научится жить с этим. Но на первых порах всегда приходится несладко…

Зоя гладила вздрагивающие Настины плечи, и, чувствуя, как от ее слезы начинает намокать блузка, искренне жалела эту девушку. Именно ей, выросшей в любви и до последнего момента легко порхавшей по жизни, было сейчас особенно тяжело и даже больно. Зоя была почти на десять лет старше Анастасии и понимала чуточку больше. Однако слов сочувствия Насте она не высказывала. А что сказать? Что все образуется? Так это вовсе не факт, хотя и хотелось бы в это верить. Насколько сильно все закрутилось – Зое неизвестно, да, собственно, и знать ни к чему – чужая семья, совершенно незнакомые ей люди.

Зоя посмотрела на Настю, и вдруг ей показалось, что за спиной девушки мелькнули какие-то странные рожи. Причем это были именно рожи, а не лица. Зоя растерянно моргнула, и видение тут же исчезло. От неожиданности она крепко зажмурилась и потрясла головой, словно прогоняя наваждение: буквально секунду назад за спиной Анастасии гримасничали три обезьяны.

И тут Зоя просто услышала в себе довольно странные слова, которые помимо своей воли произнесла опять ставшим на мгновение «не своим» голосом:

– Надо укротить трех обезьян!

– Что? – начинавшая уже успокаиваться Настя не поняла Зоины слова, сначала замерла, а потом, слегка отстранившись от нее, глянула удивленно.

Но Зоя уже успела справиться с собой и даже чуточку улыбнулась, судорожно пытаясь сообразить, как выкрутиться. Можно было прикинуться, что ничего не произошло и перевести разговор на что-то другое. Но Зоя уже научилась понимать, что этот «голос» произносит странные порой фразы не просто так и тем более не ради самой Зои. Ее используют как «рупор», и она должна доносить до кого-то другого ту самую, нужную информацию.

– Ну… понимаешь… – В голове вдруг сама собой возникла идея, как выпутаться. – Я где-то читала, что для того, чтобы решить очень сложную ситуацию нужно укротить трех обезьян.

– Каких еще обезьян? – шмыгнула носом Настя.

– Не знаю. Человек должен как бы сам понимать, о чем идет речь, – отговорилась Зоя. А что еще она могла сказать? Она и сама ничего больше не знала.

Растерянная девушка смахивала слезы и морщила лоб, пытаясь вникнуть в смысл Зоиных слов. Ну что ж, даже это уже хорошо – Настя отвлеклась от тяжелых мыслей и перестала лить слезы.

На следующий день, выбрав момент, когда рядом никого не было, Настя подсела к Зое.

– Представляешь, я сегодня ночь не спала, все думала – что же это за обезьяны? Ну не знаю я! – девушка расстроено насупилась. – Ерунда какая-то… Я, знаешь, что подумала? Может мне к какой-нибудь бабке съездить? Делают же они как-то, что люди пить перестают…

Зоя внимательно посмотрела на Настю. К бабке… Почему-то сразу вспомнилась та старушка, к которой они ездили с мамой. Может можно и к бабке… Только для чего же была озвучена эта непонятная фраза? Укротить трех обезьян… Каких обезьян? Где их взять? И как укротить?

* * *

Благополучная жизнь Настены так резко начала катиться под откос, что она просто обалдела. К чему – к чему, а к такому повороту событий она ну никак не была готова! Больше двух десятков лет живешь себе, живешь тихо-спокойно, а тут вдруг – нА тебе, получай! И рушится их уютное до сей поры семейное гнездышко, как карточный домик…

Настя лежала на своей кровати и никак не могла уснуть. В голове крутилось великое множество разных мыслей, но все они были об одном – о том, что происходит в их семье и что с этим делать.

Нет, конечно, Настя могла бы собраться с духом и уйти на съемную квартиру. Дорого, конечно, после оплаты жилья от ее библиотечной зарплаты будет оставаться самый мизер, на хлеб да на воду, причем в прямом смысле слова. Но тогда она будет независима от родителей. А подработку всегда можно найти.

Может быть, она так и поступила бы, но Анастасия понимала, что в таком случае действительно все рухнет, и уже навсегда. Мама и так ни в какую не желает отступать от своего первоначального решения – развод и всё тут! Отец, правда, очухался, поняв, что натворил, схватился за голову. В ногах у дочери валялся, просил прощения и клялся, что больше капли спиртного в рот не возьмет. Но Настя не верила его обещаниям, не маленькая уже, понимала, что пьющему человеку верить нельзя. Мама, вот, тоже не поверила – выгнала из палаты, как он только пришел к ней, и велела вообще его не пускать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.